

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

СОЦИОЛОГИЯ МЫСЛИТ СОВРЕМЕННОСТЬЮ...

А.Н. Данилов

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
a.danilov@tut.by*

В статье рассмотрены актуальные проблемы развития социологической науки, где современность представлена как вызов. Общество потребления западного типа, доминирующее ныне в мире, которое ранее рассматривалось в качестве перспективы, а его идеалы и ценности представлялись в качестве образца для подражания, в общественном мнении представляются не единственными. Ставится под сомнение универсальность такой модели развития для современности, появляются свидетельства ее исторической ограниченности. В условиях глобальной нестабильности возникают связи и взаимодействия, которые фиксируют некую новую целостность. Поэтому вполне логично, что в каждом времени возникает необходимость определиться, что такое современность. В таком случае современность возникает не как заверченный проект, а как процесс обновления социальной реальности, представлений человека об обществе и включает в себя основные аспекты отношений человека к миру. В нем присутствует большое цивилизационное разнообразие, которое со временем только нарастает. Катализаторами перемен на пути к новой современности предстают ценности, несущие перемены жизненных смыслов под влиянием социальной жизни. Постоянно возникающие новые риски и вызовы мотивируют их перезагрузку, которые проходят апробацию в недрах национальной культуры и только после этого становятся идеалами для подражания и воспроизводства.

Ключевые слова: *социология, вызовы и риски, современность как вызов, культура, развитие, методология выбора, новые жизненные смыслы.*

Со второй половине XX века в мире проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных — экологического и антропологического. В XXI веке, вместо упрощения ситуации, происходит резкое обострение нерешенных проблем, возникновение новых вызовов и рисков. «В конце XX в., когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной)

цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов» [1, с. 484].

Новые независимые страны, образовавшиеся после распада Советского Союза, оказались не в состоянии справиться с нахлынувшими проблемами. Последствия распада оказались намного сложнее, чем предполагалось ранее. Наряду с политическими, социально-экономическими вызовами, в первую очередь, необходимо было преодолеть последствия ценностного разлома. А это, как раз, быстро не происходит. Предстоит более тщательное ревизия накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление собственных ошибок, утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения, необходимого условия достижения безопасного будущего, нового мировоззрения, связанного с возвращением способности осознавать реальные смыслы человеческого бытия, как новой современности.

В ситуации перемен, которая значительно активизирует в культуре процесс отбора нового, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должной историко-социальной экспертизы. В таком случае возникает вполне реальная опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ современности.

Ситуация перемен меняет проблемное поле науки, тематику исследований, что предполагает возможность выхода на новые теоретические обобщения, обновление теории или методологии анализа. Как раз философская рефлексия в зоне неизвестности, не есть кризис. Это все же больше констатация смены вех, состояния неизбежности перемен, когда в рамках действующих парадигм стало тесно и не понятно будущее развитие. Современность предъявляет свои требования к процессам, происходящим в обществе, и определяет ход глобальной эволюции, как путь восхождения сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности и сложности. И.Т. Касавин прав, когда утверждает, что «...современность – одно из наиболее тревожных и загадочных понятий» [2, с. 179].

В каждом времени ситуация менялась и каждый раз возникал вопрос о необходимости дать ответ на вопрос о том, что такое современность. Без ответа на этот вопрос нельзя реализовать прогнозную функцию социологии. Э. Гидденс «увязывает данный феномен с определенным периодом времени (Новое время) и определенным пространством (Западная Европа), оставляя в то же самое время открытым вопрос о его более детальном характере. <...> По мнению Гидденса, более правильно было бы говорить о переходе

современных обществ в высокую, или зрелую фазу современности, связанную с радикализацией ее основных последствий. В своих работах 1990-х годов и, прежде всего в работе «Последствия современности», Гидденс рисует образ современности, альтернативный как по отношению к образу «стальной клетки» Вебера, порождаемой процессом радикализации всех сфер общественной жизни, так и к образу современности как «чудовища», создание которого он приписывает Марксу и его последователям. Для Гидденса определяющая черта современности заключается в ее беспрецедентном социальном динамизме, сокрушающем все преграды, стоящие у нее на пути. Именно поэтому он пишет о «сокрушительной силе современности», превращающей ее в такой генератор социальных изменений, которыми в конечном счете невозможно управлять, а последствия которых нельзя правдоподобно предсказать» [3, с. 12-13].

Э.Гидденс в выше упомянутой работе конкретизировал свой посыл применительно к сегодняшней ситуации. Он уточняет, что «когда мы говорим о современности, мы отсылаем к институциональным трансформациям, которые имеют западное происхождение», мотивируя это тем, что «национальное государство и систематическое капиталистическое производство», которые «имеют свои корни в специфических характеристиках европейской истории и некоторые соответствия в предыдущих периодах или в других культурных условиях. Если в тесной взаимосвязи друг с другом они с тех пор распространились по миру, то это, помимо всего прочего, произошло из-за силы, которую они создали. Никакие другие, более традиционные социальные формы не были способны конкурировать с этой силой так, чтобы быть в состоянии сохранять полную самостоятельность и не быть затронутыми тенденциями глобального развития» [4, с. 322-323]. И в заключении Э.Гидденс еще более категоричен в ответе на себе же заданный вопрос: «Является ли современность в этом отношении исключительно западной? На этот вопрос надо ответить положительно, несмотря на определенные оговорки. Радикальный поворот от традиции, присущей рефлексивности современности, порывает не только с предшествующими эпохами, но и с другими культурами» [4, с. 324]. Тезис представляется весьма спорным, тем более что в настоящее время нельзя не видеть, что «громадные культурно-цивилизационные «материки» – Китай, Индия, исламский мир, – которые прежде с позиций европоцентризма высокомерно относили к «периферии» мирового развития, выходят на мировую арену в качестве полноценных игроков. Это – новые центры

культурно-цивилизационного притяжения, каждый из которых опирается на собственный цивилизационный проект» [5, с. 388-389].

В этих центрах культурно-цивилизационного притяжения уже зарождаются точки роста новой современности. Но выход к этим точкам роста может быть вовсе не на Западе, как утверждает Э.Гидденс, а может быть как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву под воздействием модернизационных процессов. И это хорошо показано А.В. Смирновым, который объясняет свою позицию так: «Я опираюсь при этом на изучение всерьез опыта незападных культур, избегающем принятия на веру без обоснования (т.е. без априорной, догматической веры) названных тезисов. Эти два обстоятельства: «всерьез» и «без догматической веры» – составляют существенное условие формулировки моих положений и их восприятия и продумывания» [5, с. 351].

И.Т. Касавин, подтверждая, что самая актуальная тема – современность, выделяет два ее пласта. «Первый – самый крупный – унаследован от прошлого и постепенно эволюционирует, сохраняя родовые черты. Это практически вся сфера политики, экономики, идеологии, религии, искусства, морали, многочисленные социальные практики. Второй пласт – это сфера современной науки и техники. Здесь изменения происходят с невероятной быстротой и провоцируют соответствующие сдвиги в других областях общественной жизни. Наука и техника сегодня пронизывают и во многом определяют все бытие человека. <...> В мире греческой античности сердцевиной была политика, в европейском Средневековье – религия, сегодня на их место вышла наука – такова реальная культурная динамика» [2, с. 11].

Современность, собственно, и есть социальная реальность, представление человека об обществе и включает в себя основные аспекты отношений человека к миру. Это: «а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, где непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям и социальным коллективам; в) отношение к духовной жизни, аккумулирующей как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [6, с. 3]. Характеристика этих трех основных сфер человеческого мира и предполагает их представление об обществе. При этом каждая из них предстает в качестве особой подсистемы в целостной развивающейся системе общественной жизни тесно взаимосвязанных между собой.

Перемены всякий раз мотивируют исследователей к риску выйти за пределы навязчивых оппозиций познанного. В.В. Миронов писал: «Философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершенного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований бытия, и выступают как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом» [7, с. 14]. Социолог же, осмысливая социальную реальность и опираясь на полученные ранее знания об обществе, выстраивает современность, опираясь на имеющийся социальный опыт, социальные модели, динамику ценностей.

Философская рефлексия всегда воспринималась как тонкий инструмент познания неизвестности, возможности раздвинуть рамки современности, выстроить перспективу будущего. «Преобразование общества и типа цивилизационного развития, – писал В.С. Стёпин, – всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в культуре» [6, с. 17].

В этих условиях, философия, с одной стороны, раскрывает прогностическую роль культуры, где происходит таинство творения будущего, через перезагрузку ценностей, выделение доминирующих в конкретно-исторической культуре канонизированных стилей мышления и традиций. С другой стороны – философия разрывает рамки осмысливая новые явления и тем самым определяя новые тенденции развития общества. Отсюда изначальное стремление философии конструировать, в том числе и социокультурные модели, благоприятствующие реализации потребностей личности.

Предполагается, что ценностные установки Запада обладают целым рядом преимуществ перед всеми прочими социальными и культурными типами организации общественной жизни и открывают безграничные возможности экономического развития для тех регионов, которые их принимают. Вместе с тем, сегодня, не менее очевидными становятся и проблемы, возникающие в ходе реализации ценностных установок

потребительского общества, причем проблемы, порождаемые этим обществом в себе самом. Вопрос лишь в том, являются ли эти проблемы лишь преходящими сложностями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе, или они свидетельствуют о его исторической ограниченности и об отнюдь не безусловной приемлемости его ценностных установок? Последний вопрос тем более важен для обществ, где данный тип организации социально-экономической и культурной жизни не является органичным и где возможны иные перспективы развития цивилизации. Тем более, что сейчас техногенная цивилизация сама вступила в такую стадию развития, когда она вызвала глобальный кризис, с которым она уже не справляется (это экологический кризис, антропологический кризис). Тогда возникает вопрос, как можно положить в основу новой стратегии развития те ценности, которые привели к этим кризисам? Можно ли их дальше пролонгировать и будет ли это счастливый путь для человечества. Или же надо к ним критически отнестись?

Сейчас можно с достаточной долей уверенности предположить, что наличие широких возможностей для реализации перезагрузки ценностей выступает важнейшим условием выстраивания профиля новой современности, которая обеспечила бы стабильность развития. Вместе с тем, здесь следует учитывать менталитет и особенности национального характера людей. Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависит от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой отдельно взятой страны.

Современность предъявляет свои требования к процессам, происходящим в обществе, и определяет ход глобальной эволюции, как путь восхождения сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности и сложности. Современность, собственно, и есть социальная реальность, представление человека об обществе и включает в себя основные аспекты отношений человека к миру.

Библиографические ссылки

1. Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, история эволюции. Минск : Беларуская навука, 2021. 539 с.
2. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 496 с.

3. Дмитриев Т.А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Энтони. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. С.7-106.

4. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.

5. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. 2-е издание. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.

6. Стёпин В.С. Картина социальной реальности в системе научного знания (ч.2. Структура социальной реальности). Минск, «Журнал БГУ. Социология». № 4. 2009. С. 3- 18.

7. Миронов В.В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М.: РГ-Пресс; 2020. 488 с.

ФЕНОМЕН РАЗРЫВА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

И.И. Бузовский

*Министерство информации Республики Беларусь,
Пр-т Победителей, 11, 220004, Минск, Беларусь
1buzovsky@mail.ru*

Современное общественное развитие характеризуется неопределенностью и противоречивостью. Переходные состояния социального, общественно-политического мироустройства стимулируют значительные деструктивные процессы, которые оцениваются обществом как угрожающие. Формируется острота с одновременным увеличением частоты переживаемых социальных потрясений. Общество пребывает в стадии поиска ответов на вопросы в глобальном переустройстве мира, в ходе которого неперенным элементом безопасного развития является преемственность поколений.

Ключевые слова: *преемственность; феномен разрыва; ценностная платформа; молодежный тренд; средства массовой информации; поколенческие страты.*

Противоречивость идей, взглядов, информационный прессинг, малый уровень социального взаимодействия и преемственности – темы, ставшие неотъемлемыми при обсуждении современного социума.

Будущее общества, государства сопряжено с необходимостью поддерживать стабильность общего механизма независимо от разрушения, реорганизации его частей, от взаимодействия старшего и молодого